

Российские военные медики в Заграничном походе русской армии в 1813-1814 гг.

Очистив родную землю от врагов и разгромив Великую армию Наполеона, российская армия 13 (25) января 1813г. под командованием М. И. Кутузова перешла свою западную границу и вступила на территорию Пруссии. Население Европы повсеместно встречало русских воинов как своих освободителей. Пруссия и другие страны Европы, захваченные Наполеоном, присоединились к России. Русские войска заняли Берлин и Гамбург. Накануне сражения под Дрезденом 16 (28) апреля 1813 г. в Бунцлау умер М. И. Кутузов. Решающее сражение этого этапа войны — «Битву народов» у Лейпцига Наполеон проиграл. В марте 1814 г. союзные армии, во главе которых стоял руководитель антифранцузской коалиции император России Александр I, вступили в Париж.

Вместе со своей армией по дорогам Европы неотступно следовали и русские военные медики. «После Лейпцигского сражения, — писал один из замечательных российских врачей — героев Отечественной войны 1812 года Я. И. Говоров, — до окончания 1813 года... опять наши храбрые (войска. — А. Б.) торжествуют... Переход за Рейн 1814 г. повел наших воинов на новое поприще славы, приобретение которой до окончания всей кампании занятием Парижа сопряжено было с новым напряжением сил и перенесением трудов, беспокойств и болезней»ⁱ.

Боевые потери сражавшихся сторон в кампании 1814—1815гг. были значительными. Так, в сражении под Люценом в мае 1813 г. каждая из сторон потеряла по 20 тыс. человек, в битве под Бауценом из строя выбыло 30 тыс. человек, в том числе 12 тыс. французов и 6 тыс. русских. В сражении под Кульмом в августе 1813 г. союзниками был разбит наполеоновский маршал Вандам: он потерял 6 тыс. человек убитыми, 7 тыс. пленными и сам сдался в плен.

Русские войска добились победы, их потери составили 6 тыс. человек. В «Битве народов» под Лейпцигом, длившейся четыре дня (в середине октября 1813 г.), потери французов составили 50 тыс. человек, а союзников — свыше 50 тыс. (из них русских — 22 тыс.). Русской армией командовал генерал Л. Л. Беннигсен. На поле боя постоянно находился главный военно-медицинский инспектор русской армии Я. В. Виллие, оказавший хирургическую помощь австрийскому генералу (в последствии ставшему фельдмаршалом) И. Радецкому.

Я. И. Говоров вспоминал: «Поражение французов при Лейпциге стоило пролития крови лучших наших воинов... Каких ран здесь не можно было видеть? Каких руководятельных способов не было употреблено для вспоможения и врачевания оных? Каких последствий не должно было ожидать от злокачественности оных?»ⁱⁱ

Согласно «Временному положению о заграничных госпиталях», утвержденному М. И. Кутузовым в начале 1813 г., «госпитали и лазареты вне границ империи» должны были содержаться «за счет края». Число госпиталей, развернутых за границей для русских раненых и больных, составляло несколько десятков. Они формировались по мере продвижения русских войск на территории Польши, Пруссии, Саксонии, Австрии, Франции и т.д.

На территории Польши действовало более 20 госпиталей, в том числе в Варшаве, Познани, Кракове, Люблине, Ломже, Холме, Седлеце и других городах. Крупнейшие госпитали располагались в Лейпциге, Дрездене, Праге, Кельне, Аахене, Реймсе, Нанси, Париже. Состояние госпиталей было хорошим. Так, например, Я. И. Говоров, касаясь госпиталей, развернутых в Саксонии, заметил: «Описание оных служило бы образцом для подобных человеческих заведений». Смертность «от ран, увечий и болезней» в войсках соединенной армии за границей колебалась между 9 и 10%. Из доклада директора госпиталей от 26 октября (8 марта) 1814 г. следовало, что из 15936 раненых и больных, лечившихся в госпиталях, развернутых во Франции, умерло 1002 человек, т. е. 6,3%ⁱⁱⁱ.

Хорошее состояние госпиталей, разумеется, не могло быть повсеместным и постоянным. В начале Заграничного похода в русской армии имелось большое количество больных сыпным тифом, который был занесен в Польшу и Германию остатками наполеоновской «великой армии». Количество госпиталей,

как правило, снижалось после упомянутых выше крупных сражений. Так, после дрезденского сражения в августе 1813 г. Барклай-де Толли обратил внимание генерал-лейтенанта русской армии Е. Ф. Канкрин на то, что «многие из раненых не имеют должного за ними призрения, по целым суткам не доходит им никакой пищи». Полководец строго предупредил генерала, что «малейшее по сей части упущение подвергает всех тех, кои обязаны по должностям своим иметь о раненых попечение, равно как и самих вас неизбежной ответственности»^{iv}.

Положение осложнялось тем, что заграничная русская армия не имела в своем составе развозных и подвижных госпиталей, что являлось следствием расчета на госпитали «за счет краев и земель». В связи с этим сбор и вывоз раненых при больших потерях в крупных сражениях были неудовлетворительными. После «Битвы народов» 20 тыс. раненых подолгу оставались на поле боя, как писал Я. В. Виллие прусскому министру Штейну, в таком состоянии, что «самый сильный человек не смог бы вынести этого зрелища»^v.

В середине 1813 г. отсутствие полевых госпиталей было расценено командованием как серьезное упущение, и возник проект об их формировании. По мнению генерал-штаб-доктора Г. И. Яворского, при армии следовало иметь четыре развозных госпиталя, каждый из которых должен быть снабжен «нужными припасами» на 3 тыс. раненых (а один из них — «запасный» — на 6 тыс.). Однако формирование полевых госпиталей шло медленно.

Все это было позади, и 19 (31) марта 1814 г. произошло триумфальное вступление войск антинаполеоновской коалиции в Париж. В рядах русской гвардии по Елисейским полям проходили и войсковые лекари, непосредственные участники Бородинского и других сражений на полях России^{vi}. Это Александров (лейб-гвардии Казачий полк), Андреевский (лейб-гвардии Литовский полк), Волинский (лейб-гвардии Егерский полк), Добровольский (лейб-гвардии Семеновский полк), Иванченко (Кирасирский полк), Петрашевский (лейб-гвардии Финляндский полк), Донецкий (Грузинский гренадерский полк), Ламовский (Московский гренадерский полк), Нагумович (Фанагорийский гренадерский полк), Савицкий (Киевский Гренадерский полк), Микулин (лейб-гвардии Конно-егерский полк), Добронравов (Кавалерийский корпус), Бутков (8-я пехотная дивизия), Романович (19-й егерский полк), Шкинский (Новоингерманландский полк), Прохорович (Великолуцкий пехотный полк) и многие др. В свите трех императоров въезжал в Париж Яков Васильевич Виллие: Все российские военные врачи-наравне с другими участниками боев за французскую столицу были награждены серебряной медалью «За Париж». Я. В. Виллие немного позднее, будучи с Александром I в Лондоне, получил от принца-регента Великобритании титул баронета^{vii}.

Одним из выдающихся российских военных хирургов, прибывших с войсками в Париж, был и воспитанник Санкт-Петербургской медицинской хирургической академии (выпуска 1805 г.) Николай Федорович Арендт. Полковым лекарем он участвовал в сражениях наполеоновских войн и русско-шведской войны 1808—1809 гг. К началу вторжения Наполеона в Россию Н. Ф. Арендт уже был лекарем 1-го класса, опытным и искусным военным хирургом, спасшим на поле боя сотни жизней русских воинов. В первые месяцы Отечественной войны 1812 года он в должности дивизионного доктора 13-й пехотной дивизии участвовал в битве при Полоцке и других сражениях, руководил медицинской службой дивизии и оперировал в полевых условиях, в палатках, крестьянских избах. В должности штаб-доктора 1-го пехотного корпуса во время Заграничного похода русской армии участвовал в сражениях при Бауцене, в «Битве народов» под Лейпцигом, во взятии Парижа. Лично произвел более 800 операций в полевых условиях, в большинстве случаев с благополучным исходом. Во время пребывания наших войск во Франции фактически являлся главным хирургом русской армии. По возвращении в Петербург Н. Ф. Арендт стал одним из самых известных столичных хирургов. В 1812 г. ему (впервые в истории российской медицины) была присуждена ученая степень доктора медицины и хирургии без защиты диссертации. В течение 10 лет Н. Ф. Арендт являлся лейб-хирургом высоко ценившего его императора Николая I. В январе 1837 г. именно Н. Ф. Арендт возглавлял группу хирургов, лечивших раненого на дуэли с Дантесом А. С. Пушкина. По словам В. А. Жуковского, заботливый и гуманный хирург посещал раненого поэта по шесть раз днем и несколько раз ночью.

В 1855 г. медицинская общественность России торжественно отметила 50-летие врачебной деятельности Н. Ф. Аренда. Даже такой строгий судья, каким был Н. И. Пирогов, считал его вторым «дельным петербургским хирургом» после профессора И. Ф. Буша — создателя первой русской хирургической школы.

Русские военные врачи проявили глубокий и всесторонний интерес к научно-медицинским и лечебным учреждениям Парижа. Они посещали лекции медиков профессоров Парижского университета, таких как Биша, Корвизар, Ланнек и других, наблюдали за операциями и лечением пациентов в парижских больницах и т. п. В клинике знаменитого парижского хирурга Г. Дюпюитрена дни и ночи проводил, например, лекарь лейб-гвардии Егерского полка Семен Федорович Вольский — питомец Санкт-Петербургской МХА, будущий основатель Общества русских врачей в Санкт - Петербурге. Среди талантливых русских военных врачей, с головой окунувшихся в водоворот новаторской научной медицинской мысли в Париже, необходимо упомянуть и лекаря Фанагорийского гренадерского полка Льва Яковлевича Нагумовича. Он отправился на войну двадцатилетним юношей, будучи уже доктором медицины и кандидатом философии Виленского университета. Участвовал в сражениях под Бородино, Малоярославцем, при Кульме и Лейпциге. В 1814г. он в стенах Парижской медицинской академии сделал доклад на тему «О применении фосфора в лечении перемежающейся лихорадки», за что был избран членом-корреспондентом и удостоен серебряной медали этой академии. В 1822 г. Л. Я. Нагумович издал «Руководство к лечению огнестрельных ран по правилам, предлагаемым знаменитыми хирургами в Европе» и посвятил его бывшему генерал - штабдоктору своей армии М. А. Баталину.

Не пропускал ни одной лекции основателя френологии, или краниологии, Галла штаб-лекарь лейб-гвардии Егерского полка Поликарт Лузин, выпускник Санкт-Петербургской МХА 1807 г. Позднее он перевел труд Галла и Шпурцгейма «Исследование о нервной системе вообще и мозговой в особенности», а вслед за этим издал свою книгу «Краткое начертание Галловой системы мозговых отравлений». Оба труда были изданы Я. И. Говоровым^{viii}.

Не следует думать, что столь активный интерес и внимание, проявленные русскими военными врачами к французским ученым-клиницистам, научно-медицинским и лечебным учреждениям Парижа, свидетельствовали о разительном контрасте между французской и русской медициной того времени, о каком-то тотальном отставании нашей медицины от европейской. Этого не было и не могло быть, как не было подобного ощущения и у французских военных врачей, вошедших вместе со своими войсками в сентябре 1812г. в Москву. Вот что отметил главный хирург «великой армии» и личный друг Наполеона Доминик Ларрей, пораженный величием древней столицы России, огромным количеством ее дворцов, церквей, великолепием архитектуры, богатством интерьеров особняков и дворцов. Впрочем, такую же высокую оценку московских дворцов давал и сам Наполеон в письмах жене и многие французские генералы. «Все было удивительно гармонично в этом городе», — писал Д. Ларрей, увидев Москву. Только древние Афины, Акрополь и храм Минервы, по его мнению, могли сравниться с красотами Московского Кремля. К большому удивлению первого хирурга Франции московские больницы и госпитали, по его мнению, не только не уступали парижским, но и во многом их превосходили. Д. Ларрей подробно и с восхищением описал пять самых больших московских больниц, в которых он разместил свои госпитали: Шереметевскую (ныне Институт им. Н.В. Склифосовского), Голицынскую (ныне 1-ю Градскую), Александровскую (ныне Пастеровская станция), Воспитательный дом (ныне Военно-инженерная академия) и Лефортовский военный госпиталь (ныне ГКВГ им.Н. Н. Бурденко). Эти здания и их внутреннее оборудование произвели на Д. Ларрея потрясающее впечатление. «Госпитали, которые остановили мое особенное внимание, — писал он, — достойны наиболее цивилизованного народа в мире»^{ix}.

В свете сказанного ясно, что никакого особого контраста между состоянием медицины противоборствующих сторон в годы Отечественной войны 1812 года не наблюдалось.

Выдающийся историк медицины академик И. Д. Страшун совершенно справедливо отметил, что «в 1812 году русский врач блистательно выдержал экзамен на международной арене, в соприкосновении с европейскими врачами»^x. Убедительным доказательством этого явилась оценка русских военных врачей, данная в манифесте императора Александра I от 6 (18) ноября 1819г., в котором говорилось: «Военные врачи, разделяя наравне с военными чинами труды и опасности, явили достойный пример усердия и искусства в исполнении своих обязанностей и стяжали справедливую признательность от соотечественников и уважение всех образованных наших союзников»^{xi}.

О подвиге русского народа в Отечественную войну 1812 года за прошедшие почти два века сказано много ярких и торжественных речей. Прекрасно и предельно кратко сказал о нем в свое время М. Е. Салтыков-Щедрин: «Двенадцатый год — это народная эпопея, память о которой перейдет в века и не умрет, покуда будет жить русский народ»^{xii}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Говоров Я. И.* Всеобщая история врачебного искусства и опыт краткого врачебного обозрения кампании 1812—1815 гг. СПб., 1818. С. IX.

ⁱⁱ Там же. С. VIII.

ⁱⁱⁱ *Маслинковский Т. И.* Отечественная война 1812 г. // Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948. Т. 4. Ст. 1185.

^{iv} РГВИА. Ф. 103. Оп. 210. Д. 123. Л. 81.

^v *Маслинковский Т. И.* Указ. соч. Ст. 1186.

^{vi} *Будко А. А., Околелое В. В., Иванович Ф. А.* Русские военные врачи в Отечественной войне 1812 г. // Бомбардир: Информационно-публицистический журнал. 2000. № 10. С. 72-73.

^{vii} *Страшун И. Д.* Русский врач на войне. М., 1947. С. 125-127.

^{viii} Там же. С. 128-129.

^{ix} *Кассирский И. А. Ж. Д.* Ларрей и скорая помощь на войне. М., 1939. С. 31.

^x *Страшун И. Д.* Указ. соч. С. 140.

^{xi} Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1904. Ч. 8. С. 328.

^{xii} *Я. Щедрин (М. Е. Салтыков).* Собр. соч. М., 1951. Т. 12. С. 328.